

Люди без шестых чувств?..

“Попытка ревности” М. Цветаевой, написанная в ноябре 1924-го года – это уже не прежний беззащитный и жалобный “воплъ женщин всех времён”: “мой милый, что тебе я сделала?” Это – великолепное женское презрение, беспощадная ирония, оскорблённая и восставшая гордость.

...Как живётся Вам с простою
женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
свергши (с оно́го сошед),

как живётся Вам – хлопчется –
ёжится? Встаётся как?
С пошлиной бессмертной пошлости
как справляетесь, бедняк?

“Судорог да перебоев
хватит! Дом себе найму”.
Как живётся Вам с любовью –
избранному моему?..

Адресовано это стихотворение Марку Слониму – редактору пражского журнала “Воля России”, который опубликовал стихи Марины, а она в ответ на это стала ему писать. Позже Слоним напишет воспоминания о Цветаевой, где признается, что не испытывал к Марине ни страсти, ни безумной любви, а мог предложить только дружеское участие и поддержку. Цветаева не могла ему этого простить. “Я вся – любовь, и мягкий хлеб/ Дарёной дружбы мне не нужен!” В одном из писем подруге она с обидой пишет о Слониме: “Он определённо во мне не нуждается. Пошлю-ка я ему на Новый год тот стих, что Вам посылала: “Как живётся Вам...”. В тот вечер, по крайней мере, ему будет отравлена его “гипсовая труха”. Под “трухой” Марина подразумевала жену Слонима.

Как живётся Вам с товаром
рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
как живётся Вам с трухой

гипсовой? (из глыбы высечен
Бог – и начисто разбит!)
Как живётся Вам с сотысячной –
Вам, познавшему Лилит!

Рыночную новизною
сыты ли? К волшбам остыв,
как живётся Вам с земною
женщиною, без шестых
чувств?..

Ахматова не любила это стихотворение, говорила, что здесь “тон рыночной торговли”. Я с этим бурно не соглашалась, страстно сочувствуя и восхищаясь Цветаевой. Хотя что-то чуть-чуть покорабливало и меня, может быть, то, что в этом любовном стихотворении больше было упоения собой, чем чувства к другому. “Мрамор Каррары”, “Лилит”, “поправшему Синай” – ну что за мания величия, можно ли так – о себе? Но в целом справедливость цветаевских претензий сомнений не вызывала. В воображении рисовалась некая клуша “без божеств”, “без шестых чувств”, заурядная серенькая мышка, которую безмозглый Слоним предпочёл жар-птице Феникс Цветаевой. Каково же было моё изумление, когда я увидела в каком-то журнале фото той самой “трухи гипсовой”, жены адресата стихотворения. Ею оказалась Татьяна Поберс, урождённая Ламм, известная исполнительница русской, а позднее советской классики. “От Глинки до Шостаковича” – так назывался цикл её концертов. Фото было сделано с конверта пластинки певицы, выпущенной в Голливуде вскоре после войны.

С обложки журнала на меня смотрела женщина необыкновенной красоты с удивительно тонкими, одухотворёнными чертами лица. “Ничего себе “труха!” – поперхнулась я, вспомнив эпитеты, которыми награждала эту женщину Марина, никогда, впрочем, её не видевшая, виновную лишь в том, что Цветаевой взбрело в голову писать её мужу. И как-то сразу стало вызывать недоверие всё стихотворение, все его постулаты. “Женщина без шестых чувств?” А что это такое? – задумалась я. Кого мы подразумеваем под такими людьми? Бездарных, примитивно устроенных, толстокожих? Не умеющих глубоко чувствовать и любить? Но умеет ли любить сама Цветаева, носительница не шести, а всех двадцати шести чувств, если бы таковые существовали? Она любит не человека – свою любовь, образ, созданный в её воображении, свои стихи об этом чувстве. В любви она – собственница, хищница:

Могла бы – взяла бы
в утробу пещеры:
в пещеру дракона,
в трущобу пантеры...

Вот сущность её любви. Настоящая же любовь не берёт – отдаёт. Она забывает о себе, не любит себя своим чувством, а целиком сосредотачивается на любимом. Цветаева слишком эгоцентрична для этого. Как, впрочем, все истинные поэты. А вот Сергей Эфрон – тот любил. Любил и прощал ей всё и всех: и Парнок, и Мандельштама, и Вишняка, и Родзевича, и многих других, к которым её прибывал ураган страстей. И это была отнюдь не романтическая, а горькая и унижительная роль.

Письмо-исповедь Сергея Эфрона М. Волошину – редчайшая возможность проникнуть в его мысли и чувства, понять, каково жить с женщиной “неземной”, “с шестыми чувствами”: “Марина – человек страстей. Отдаваться с головой своему урагану для неё стало необходимостью, воздухом её жизни. Кто является возбудителем этого урагана сейчас – неважно. Что – не важно, важно – как. Не сущность, не источник, а ритм, бешеный ритм. Сегодня отчаянье, завтра восторг, любовь, отдавание себя с головой и через день – снова отчаянье. И всё это при зорком, холодном (пожалуй, вольтеровски-циничном) уме. Вчерашние возбудители сегодня остроумно и зло высмеиваются. Всё заносится в книгу. Всё спокойно, математически отливается в формулу. Громадная печь, для разогревания которой необходимы дрова, дрова и дрова. Нечего и говорить, что я на растопку не гожусь уже давно”.

Страдая невыносимо от ущемлённой гордости, от невозможности что-либо изменить, он не уходил, так как думал о ней, а не о себе, понимая, что она погибнет, если он оставит её. “Быть твёрдым до конца здесь я мог бы, если бы Марина попадала к человеку, которому я верил. Я же знал, что другой – маленький Казанова – через неделю Марину бросит, а при маринином состоянии это было бы равносильно смерти... Я так сильно, прямолинейно и незыблемо любил её, что боялся лишь её смерти. Марина сделалась такой неотъемлемой частью меня, что сейчас, стараясь над разъединением наших путей, я испытываю чувство такой опустошённости, такой внутренней изодранности, что пытаюсь жить с зажмуренными глазами”. Он любил незаметно, неброско, естественно, как дышал. И Марина понимала это, ценила и всегда возвращалась к нему.

Самозванцами, псами хищными
я дотла расхищена.
У палат твоих, царь истинный,
стою нищая.

Но благодарность, признательность – ещё не любовь. “Пойду за ним, как собака”, – напишет Цветаева об Эфроне в порыве самоотверженности, моля Бога, чтобы он остался жив. Но “как собака” она шла не только за ним. Практически за каждым, кто поманит.

Всяк целовал, кому не лень!
Но, всех перелюбя,
быть может, в тот чернейший день
проснусь белей тебя!

“Я ль, скажи мне, всех белее...”. Опять самолюбование, опять “я”, разглядывание себя в зеркале стиха.

Схожее впечатление остаётся у меня и от стихов А. Ахматовой. Женщина “с шестым чувством”? Несомненно. Какое богатство красок, какие оттенки, нюансы, извивы, переливы душевных состояний в её любовной лирике!

Было душно от жгучего света,
а взгляды его – как лучи.
Я только вздрогнула: этот
может меня приручить...

х х х

Так беспомощно грудь холодела,
но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
перчатку с левой руки.

Прекрасные стихи. Но... Когда так красиво и томно говорят о своём чувстве – вряд ли любят. Когда охвачены подлинным смятением – вряд ли будут фиксировать внимание на своих перчатках – с той или не с той они руки. Как воспевала Ахматова свою придуманную любовь к Модильяни, как пестовала свои страдания! Но любила она не Амедео – а его образ, любовно лелеемый в памяти и стихах: широкополая шляпа, плащ, красный тюльпан в петлице... Любила свои воспоминания о парижских встречах, свои строки о нём, свой портрет, сотворённый росчерком знаменитого пера... Отними весь этот французский шарм, богемный антураж – и чувство рассыплется, как песочный замок.

По-настоящему же любила Модильяни его жена – девятнадцатилетняя натурщица Жанна Эбютерн, прозванная “красной фасолинкой” за рыжеватый отлив волос. Наивная девочка без образования, без особых талантов и, как сказала бы Цветаева, “без шестых чувств”, она выбросилась из окна на другой день после похорон Модильяни, ушла вслед за своим любимым. Как же он там будет в раю без своей натурщицы? И вспоминается стихотворение Цветаевой “Пожалей...” о простой деревенской бабе, для которой любить – синоним слова “жалеть”.

– Он тебе муж? – Нет.
Веришь в воскрешенье душ? – Нет.
– Так чего ж?
Так чего ж поклоны бьёшь?
– Отойдёшь –
в сердце – как удар кулашный.
Вдруг ему, сыночку, страшно –
одному?
– Не пойму!
– Он тебе не муж? – Нет.
– Веришь в воскрешенье душ? – Нет.
– Так айда! – ...Нагрудник вяжет...
Дай-кось я с ним рядом ляжу...
Зако-ла-чи-вай!

Здесь примерно та же природа чувства. Вообще природа истинного чувства всегда одна: оно не рассуждает, не упивается собой, не оформляет себя в слова и строчки. Оно способно на поступок, на жертву, на подвиг ради любимого. Поэты редко на такое способны. Их слишком занимает их внутренний мир, чтобы они могли полностью переключиться на другого.

О. Мандельштам воспевал красоту Ольги Ваксель – единственной женщины, ради которой едва не оставил жену – её яблочную розовую кожу, длинные ресницы, “ласточки круглых бровей”, “губ малину”. Она предстаёт в стихах Мандельштама в отсветах ангельской золотой овчины и в рамке романтического искусства Шуберта и классического Гёте (образ Миньоны), столь ценимых им. В этом тройном нимбе Ольга Ваксель вошла в русскую поэзию.

И всё-таки – если судить по гамбургскому счёту – Мандельштам не любил её. Да, посвящал стихи, воздал “хвалу” (ещё размышлял, сомневаясь: “возможна ли?”), однако быстро забыл с некрасивой, но удобной Надей. А муж Ольги – норвежский дипломат, бывший вице-консул в Ленинграде Христиан Йорген Твинсендаль, человек весьма деловой и практичный, не смог пережить смерти горячо любимой жены. После её самоубийства он заболел и через год умер от сердечного приступа. До конца жизни его мучал вопрос: почему??? Он написал матери Ольги, что скоро последует за ней. И действительно, в короткое время в одночасье умер. От разрыва сердца. Какое по счёту чувство точило его изнутри, заслонив собой всю радость и ценность жизни ради одной-единственной, ради мёртвой, которая была для него живой? Он не “хвалу” ей воздавал, он просто не смог без неё жить.

А. Блок – певец розовой мечты, золотых зорь и синих очей – много раз влюблялся в своей жизни. Читатели буквально млели, пьянели от его утончённой “лунатической” лирики. Вот кто, казалось бы, досконально знал “науку страсти нежной”! Но умел ли он любить? В дневнике он записывает:

“Жизнь моя есть ряд спутанных до чрезвычайности личных отношений”. Барышни его преследуют, звонят. Он раздаёт визитки проституткам. А по ночам ему снится жена, которая то на гастролях, то в Житомире у любовника.

Осенью 1913-го в жизни Блока – новое бурное увлечение – актрисой Любовью Дельмас. Он увидел её в роли Кармен в петербургском оперном театре и был потрясён созданным ею образом обольстительной неукротимой испанской цыганки. Этот тип был всегда ему близок. Теперь он нашёл его полное воплощение в огненно-страстной игре и прекрасном пении Дельмас. Он посвящает ей цикл из десяти стихотворений под названием “Кармен”, вновь после Мериме и Бизе обратившись к этой теме.

Ты, как отзвук забытого гимна
в моей чёрной и дикой судьбе.
О Кармен, мне печально и дивно,
что приснился мне сон о тебе.

В том раю тишина бездыханна,
только в куще сплетённых ветвей
дивный голос твой, низкий и странный,
славит бурю цыганских страстей.

Он долго не решается с ней познакомиться, пишет анонимные письма, посылает розы. Потом знакомство состоялось. В течение двух месяцев они неразлучны. Долгие прогулки пешком, на лихачах, в таксомоторах. Белые ночи на Стрелке, ужины в ночных ресторанах, возвращения на рассвете... Он от неё без ума: “Она вся благоухает, она нежна, страстна, чиста. Ей имени нет. Её плечи бессмертны”. “Душно и без памяти”, “страстная бездна”, “я ничего не чувствую, кроме её губ и колен”.

Сама себе закон – летишь, летишь ты мимо,
к созвездиям иным, не ведая орбит...

Однако образ Кармен, который предстаёт в лирике Блока, ничего общего не имел с реальной Кармен, Любовью Дельмас. В её облике не было ничего рокового, мрачного, трагического. Напротив, весь он – лёгкий, солнечный, праздничный. Она не летела “к созвездиям иным”, не играла в романтическую страсть – просто любила. Обычная женщина, вся она была от этого, от сего мира: милая, верная, открытая, заботливая.

Очарованность Блока длилась недолго. 1 августа он записывает в дневнике: “Уже холодею”. И пишет ей прощальное суровое письмо: “Разойтись всё труднее, а разойтись надо. Всё это – только искры в пепле. Меня, настоящего, во весь рост, Вы никогда не видели! Поздно”. Она не в силах с этим примириться, плачет, забрасывает его письмами, ищет встреч. Одно из таких

тягостных, бесплодных, прощальных свиданий отражено в стихотворении Блока “Превратила всё в шутку сначала...”.

Вдруг припомнила всё, зарыдала,
десять шпилек на стол уронив.
Подурнела, пошла, обернулась,
воротилась, чего-то ждала...

Мне неприятен в этом стихотворении Блок: и это “подурнела” (женщина плачет, страдает, а он не жалость к ней испытывает, не сочувствие, а холодно и отстранённо наблюдает), и эта мелочная подробность – “десять шпилек” (что, он их подсчитывал что ли, как ворон на заборе от скуки/, и это “должно быть, навеки ушла... Что ж, пора приниматься за дело...” – Сколько равнодушия в этих словах! Рыдающая возлюбленная для него – лишь досадный эпизод, оторвавшийся от дела. А ведь ещё недавно писал:

Ты встанешь бурною волною
в реке моих стихов,
и я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

Смахнул, отряхнул, как пыль с ботинок. Так что же такое – эта пресловутая душа с шестью чувствами, если она не способна почувствовать боль близкого человека!

Когда-то она сказала ему: “Боюсь любви”. Словно предчувствовала страдание, что её ожидает. Как много это слово значило для неё и как мало для него. Блок ещё не раз вспомнит Любовь Дельмас. Потом, пытаясь объяснить, что вызвало в нём любовь к этой женщине, он долго не мог подобрать нужного слова: “Какая-то старинная женственность... да, и она, но за ней ещё: верность? земля, природа, чистота... жизнь, правдивое лицо жизни... возможность счастья, что ли? Словом, что-то забытое людьми...”. Он посвятит ей ещё одно стихотворение, в котором звучит неподдельное раскаяние и чувство неизбывной вины:

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит как цыганская песня,
как те невозвратные дни...

Что было любимо – всё мимо, всё мимо,
впереди – неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
невозвратимо... прости!

И ещё одна женщина “без шестых чувств”, которая в любви оказалась сильнее, выше, ярче поэта. Мария Степановна Заболотская, вторая жена Максимилиана Волошина. Первой была “восточная принцесса” Маргарита Сабашникова, у которой были весьма своеобразные представления о любви. “Я не выношу, когда меня любят, – говорила она ему. – Ведь это борьба. Если передо мной склоняются, я хочу добить...”. Волошин уставал от неё, от её холодности, взыскательного вкуса, непомерных требований, тонкой щепетильной натуры.

Я устал от лунной сказки,
я устал не видеть дня.
Мне нужны земные ласки,
пламя алого огня...

Брак с Сабашниковой не принёс счастья поэту. Довольно скоро он сменился тройственным союзом с Вячеславом Ивановым, роковой треугольник вырос в эротический четырёхугольник с женой В. Иванова Лидией Зиновьевой-Аннибал. Одним словом, “высокие отношения”...

Однажды, вернувшись из Москвы в Петербург, Волошин не находит Маргариты в своей комнате. “Мне обидно и больно, как ребёнку, – записывает он в этот день в дневнике, – что меня не встретили, не ждали. Мне хотелось бы видеть только её, говорить только с ней”. На другой день – новая запись: “Макс, он мой учитель, – сказала мне Аморя, – я пойду за ним всюду и сделаю всё, что он потребует. Макс, я тебя никогда не любила так, как теперь. Но я отдалась ему. Совсем отдалась, понимаешь? Тебе больно? Мне не страшно тебе делать больно”. И она медленно крестила меня”.

Обманите меня, но совсем, навсегда,
чтоб не думать, зачем, и не помнить, когда... –

писал он тогда. Это была почти мольба. Но обман – слишком большая роскошь. Ему прямо, без анестезии резали правду в лицо. Вячеслав Иванов “успокаивал”: “Макс, ты не думай обо мне дурно. Ничего, что не будет свято, я не сделаю. Маргарита для меня цель, а не средство”. Высокопорядочные, тонко чувствующие, необыкновенно одарённые люди... Элита.

От всего этого кошмара Волошина спасла Мария.словно свежим ветром повеяло после угарного дыма и чада. К тому времени, когда они встретились, Волошин был уже большой литературной знаменитостью. Подвижник духовной жизни, киммерийский отшельник, художник, поэт, теософ. И – не блиставшая ни талантами, ни красотой фельдшерица. “Лицом она похожа на четырнадцатилетнего мальчишку, – пишет Волошин в дневнике, – а иногда – на пожилую акушерку или салопницу”. Она почти безграмотна, не понимает

тонкой иронии и шуток, не молода – 34 года. Что же привлекло в ней поэта?

Из письма М. Заболотской Волошину: “Я у тебя. Перетёрла все полки, книг не трогала, а пауков разогнала. Извините, но постель вашу разорила. Всё перестирала: и ватные, и пикейные одеяла. И ковры, и матрацы вычистила, а то там обитатели. Так счастлива была целый день, что возилась в твоём кабинете с твоими вещами. Разговаривала про тебя с твоей матушкой. Говорила она, что ты не можешь любить. Не любил никого и не полюбишь. Страшно думать об этом. Я так неинтересна ни с какой стороны. Смею ли мечтать о чём?.. Мне страшно, Макс. Ведь я только Маруська нелепая, смогу ли я? Я горюю, не знаю, как дождаться тебя”.

Домохозяйка при стареющем поэте? О, нет. “Мне кажется, она один из самых лучших людей, которых я встречал, – напишет потом в дневнике Волошин. –Её любовь для меня – величайшее счастье и радость”.

До встречи с поэтом Мария все годы как будто неосознанно искала применения своему единственному настоящему таланту – дару любить. Она не смеялась над его чудачествами. Его поэтический дар был для неё вне критики и вне обсуждений. Она была готова сражаться за его признание со всем миром.

После смерти Волошина его жене предстояли десятилетия борьбы за дом поэта, за память о Максе. Каждый день она начинала с молитвы: “Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешную и помоги мне свято и честно выполнить свой долг – запечатлеть Максина светлый образ и оставить его жить в преданиях, в книге так же радостно и прекрасно, как он его пронёс в жизни среди людей”. Эта женщина сумела спасти в годы немецкой оккупации архив Волошина, сберечь его личные вещи (закапывала их в землю), сохранила всю обстановку в доме, не переставив в нём ни одного предмета. Ей мы обязаны тем, что до сих пор существует легендарный Дом поэта, превращённый позже в Дом творчества, величайший культурный центр России, место встреч писателей, поэтов, художников и других служителей муз. И помогла ей в этом – любовь.

Так что же такое – если перефразировать Заболоцкого – любовь, “и почему её обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?” Что я, собственно, хотела сказать всеми этими рассуждениями, вызванными задевшей меня строкой из стиха Цветаевой? А то, что простые, непритязательные души нередко умеют чувствовать гораздо сильнее и тоньше, нежели творческие личности, узурпировавшие за собой эту способность и высокомерно взирающие на весь остальной мир, лишённый “шестых чувств”, копошащийся где-то там, внизу, у подножья Олимпа. Да, они не умеют так красиво выразить себя в словах и звуках, мерило их чувств – не строки, а поступки, жертвы, самая жизнь, брошенная к ногам любимых. И это тоже – талант, куда более редкий и ценный. Подлинность всегда выше искусства.